Илья Муромец и Калин-царь

Не пыль в поле пылится,
Не туман с моря подымается
Не грозна туча накатается,
Не из той тучи маланья сверкат, —
Подымалась силушка зла неверная
Калина-царя Тугарина.
Семьдесят было царевичей,
У Калина-царя по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
Стоит собака неподалеку,
От Киева за семь верст,
Разбивал лагерь ровно за сто верст,
Сам ставал середи силы,
Середи силы, середь лагерю.
Он разбил шатер бел полотняный,
Он сбирал царей, всех царевичей,
Всех своих королевичей,
Он думает думу крепкую,
Думу крепкую, заединую.
Садился скоро на ременчат стул,
Писал ерлык скорописчатый,
Не пером писал, не чернилами,
А на бархате красным золотом.
Выбирал собака посла грозного:
— Ты поди, посол, в стольный Киев-град,
Ты не спрашивай приворотничков,
У его дверей придверничков,
Ты скачи во град бездокладышно,
Станови коня середи дворца,
Входи в полаты не моляся,
А Владимиру-князю не кланяйся,
А ты кидай ерлык на дубовый стол,
Проси силы сорок тысячей,
А не то проси стольный Киев-град,
А не то проси дочь любимую.

Тут собака не ослушался,
Скакал собака в стольный Киев-град,
Не спрашивал приворотничков,
У его дверей придверничков,
Скакал во град бездокладышно,
Становил коня середи дворца,
Входил в полаты не моляся,
А Владимиру-князю не кланялся,
Кидал ерлык на дубовый стол,
Просил силы сорок тысячей,
А не то просил стольный Киев-град,
А не то просил дочь любимую.
Тут-де Владимир закручинился,
Весьма-де Владимир опечалился,
Повесил буйную головушку,
Опустил очи в мать сыру землю:
— Нет-то теперича помощничков
И за Киев-град нет пристателей,
Нет сильных могучих богатырей,
Ни Илюшеньки, ни Алешеньки,
Нет Добрынюшки, нет Никитича!
Не успел Владимир думу сдумати,
Не ясен сокол перелетывал,
Не белый кречет перепорхивал, —
Приезжал добрый молодец,
Старой казак Илья Муромец.
Приезжал он скоро на широк дворец,
Соскакивал с добра коня,
Привязывал коня к дубовому столбу.
Ко тому ли колечку злаченому.
И входит в полаты потихошеньку,
Отпирает двери помалешеньку,
Чтит да крестит лицо белое,
Чудным образам богу молится,
А Владимиру-князю низко кланятся:
— Ой еси ты, батюшка Владимир-князь,
А светлое солнце, наш киевский,
Что же ты весьма закручинился,
Что же ты весьма запечалился

И повесил с плеч головушку?
Ото сна ли Владимир пробуждается:
— А, старой казак Илья Муромец,
Правая моя верна рученька!
Не знаешь невзгодушки над Киевом:
Нападает собака тут Калин-царь,
Он просит силы сорок тысячей,
А не то отдать стольный Киев-град,
А не то отдать дочь любимую.
— А это что у те за гость сидит,
А это что у те за болван стоит,
А этот болван неотесаный,
Неотесаный, да и не оскобленый?
Нечего было собаке делати,
Выходил собака на красно крыльцо,
Скакал собака на добра коня,
Убежал собака к Калину-царю.
И возговорил Илья Муромец:
— Ах ты, батюшка наш Владимир-князь,
Ты бери свои золоты ключи,
Отпирай свои золоты ларцы,
Нагребай мисы чиста серебра,
Нагребай мисы красного золота,
Нагребай мисы скатного жемчуга,
Я поеду к Калину-царю со подарками,
Просить нам сроку на три дни,
На поправушку собрать дружину хоробрую.
Кланялся он Калину-царю подарками,
Просил сроку на три дни,
А не дает собака на три часа.
Тут Илье за беду стало,
За злую досаду показалося.
Забежал он в силу неверную,
Где махнет, тут и площади.
Закричал собака Калин-царь:
— Все мои царевичи,
Все мои королевичи
Копайте колодцы глубокие,
Хватайте доброго молодца,

Старого казака Илью Муромца!
Первый колодец его бог пронес,
Второй колодец его конь пронес,
А в третьем колодце спотыкается.
Нападала сила неверная,
Связали рученьки белые,
Сковали ноженьки резвые,
Привели к собаке Калину-царю.
Возговорил собака Калин-царь:
— Отведите на поле широкое,
Отрубите от плеч буйну головушку!
Сидит при Калине любимый сын,
Говорит ему таковы слова:
— Государь ты мой, батюшка,
Не губи молодца понапраслину,
Не руби ему буйной головушки,
А проси из чести, из милости,
Как служил царю белому,
Царю белому, князю Владимиру,
Так бы и нам послужил.
Стал его просить Калин-царь:
— Послужи нам верой-правдою,
Как служил князю Владимиру.
— А кабы была при мне сабля острая,
Послужил бы я на твоей толстой шее!
Тут царю за беду стало,
За злую досаду показалося,
Соскакивал на ноги резвые,
Бил Илью по белу лицу,
Избивал лицо его до крови.
Тут Ильюшенька возговорил:
— Ах, мать божья, богородица,
Что ты на меня прогневалась?
Разводил он рученьки белые,
Разорвал чумбуры шелковые,
Разломал железы немецкие,
Поймал татарина трех сажен,
Ходил с ним три суточки.
И вышел Илья на Алтай-гору,

Натягивал свой тугой лук,
Стрелял стрелки каленые,
Ко стрелкам он приговаривал:
— Полетайте, стрелы, высокошенько,
Высокошенько и далекошенько,
Не падайте ни на воду, ни на землю,
А падите Алеше во белый шатер,
Падите Алеше на белую грудь!
Взял Алешенька стрелочку,
И так Алешенька возговорил:
— Кто-то над нами шутку шутит,
Шутку шутит или насмехается!
Стал Алешенька повертывать,
Сквозь слезы поговаривать,
Добрыне Никитичу письмо писать:
«Наш-от брат во поиманьи,
Старой казак Илья Муромец».
Не успел он выспаться, они сбежалися,
Били они силу неверную,
Только оставили одного мальчика,
Любимого сына Калина-царя.
И приехали к князю Владимиру со славою,
Была гульба, борьба и кулачный бой,
Владимир-князь их потчивал,
Три дня гуляли, веселилися.

(Записал Г. Н. Потанин в конце 50-х гг. XIX в. от казака Дьякова в станице Бухтарма на верхнем Иртыше)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.